

12 декабря 1987 года

ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ

Блажен, кто вовремя созрел

Помните реплику Атаманиш из «Снежной королевы»: «Детей надо баловать, тогда из них вырастает настоящие разбойники»? Мысль бесспорная. Но что значит — «баловать»? Наши ленинградские актеры и режиссеры, попадая после окончания института в солидную академическую труппу, редко бываю избалованы вниманием старших коллег. Голыми, существуют они в театре или возле него без интересных ролей, без самостоятельных постановок. Годами — до селли — величают их малазми и начинающими. Порывы к серьезному творчеству, к собственной линии в искусстве, как правило, не поощряются: рано, мол, пусть походит в «подмастерья», «на выходы» («кушать подано»), узнает, почему фунт лиха. Полезно ли с маладых ноготй отлучение от настоящей работы? Не охладеет ли актер к труду, повзрослеет? И следует ли считать баловнями судьбы тех, кто с первых же шагов в профессии получил право выйти на сцену?

Сейчас у нас есть перед глазами поучительный пример: на гастролях Театр-студия «Современник-2» — счастливы, которые сразу после окончания Школы-студии МХАТа были «усыновлены» театром «Современник».

На представлениях молодых актеров царит тот уже почти забытый дух студийности, который манил к себе ленинградских зрителей двадцать лет назад, заставлял днелать и ночевать возле Дворца культуры имени Первой пятилетки, где гастроллировали современники и Театр на Таганке. Атмосфера театра как празд-

ника и в то же время как заинтересованного диалога о вечном и насущном — не по этому ли соскучились зрители? Сегодня, как и тогда, в зале (на сей раз Дворца культуры имени Ф. Э. Дзержинского) много молодежи, что не может не радовать.

Но дело не только в атмосфере. Репертуар студии серьезен и не случаен. Театральный язык свидетельствует об интересе к корням — как к таганковскому «монтажу аттракционов», так и к глубинному мхатовскому психологизму. Пробуя себя в разных жанрах и стилях, труппа под руководством Михаила Ефремова уже тверда в главном: «Современник-2» знает, ради чего строится его театральный дом. Внимательно и непредвзято смотрит он на мир.

В спектаклях «Пощечина» Ю. Олеси и «Театральный сезон» (состоящий из пьесы А. Образцова «Снега» и «Эс-корриала» М. де Гельдерола) сталкиваются два мировоззрения, два полярных жизненных кредо. Одним героям театр симпатизирует больше, другим — меньше, но, что поразительно, — с неюношеской зрелостью проникает в обе позиции. Молодая удаль и горячность отключают форму, но выводы — серьезные и объективные.

Композиция по пьесе «Заговор чувств» и роману «Зависть» Ю. Олеси переносит нас в 20-е годы. В подзаголовке так и стоит: «Экскурсия в Москву 1928 года». Театральный язык напоминает о конструктивистских исканиях Мейерхольда и Эйзенштейна. Конфликт — о яростных спорах тех лет.

Может ли коммунист мечтать о личном счастье, если еще не победила революция в мировом масштабе? Должен ли он подавлять в себе естественные чувства, чтобы безраздельно принадлежать делу? И справедлива ли противоположная позиция — «рыцарей умирающего века», мстящих за то, что из жизни уходят чувства и возрождающие духи из человеческого чувства — зависть, пошлость, себялюбие?.. И преодолела ли темная злоба тех, кто не может найти себя в новой советской жизни? Вопросы возникают много, но однозначно категоричного ответа спектакль дать не спешит. Разделяя сожаление и тревогу Юрия Олеси, вызванные потерей мечты, поэзии, идеалов, сочувствуя Кавалеру (в прекрасном, тонком исполнении М. Ефремова), театр не торопится клеймить и «колбасника» Андрея Бабичева.

В трактовке Геннадия Венгерова и еще более — Никиты Высоцкого Андрей Бабичев — это трагическая фигура. Это романтик. Он страдает от переполняющих его чувств, но излить их может только в одиночном танце или... любви к своему индустриальному детису — комбинации общественного питания по имени «Четвертак». Это Лопухин первых лет революции. У него нежная душа. И десять лет спустя Бабичев расплатится за ошибку — собственной жизнью заплатит за срубленный в энтузиастическом порыве «вишневый сад» чувств.

Все участники поединка исторически обречены. Но конфликт, увы, не был исчерпан

в 30-е годы, мы ощущаем его реальность по сей день. Эту тему как бы продолжают столкновения идеалистов и материалистов — героев «Театрального сезона». И здесь театр также избегает однозначных суждений. Герои Андрея Зайкова, Сергея Мурина и Романа Хендзе, пройдя через цепочку «перевертышей», продолжают конфликт — как актуальный во все времена. И если на сцене театра времен третьего рейха («Эс-корриал») спор разрешается убийством, то в новгородную ночь в снегах Сибири проблема так и остается открытой — каждый прав по-своему. Неправы они лишь в глухоте друг к другу. (Здесь уместно будет поздравить автора пьесы «Снега» ленинградца Александра Образцова с весьма успешным дебю-

том — в Ленинграде его пьесы еще лишь значатся в репертуарных планах.)

Завтра «Современник-2» прощается с нами. Завершаются гастроли спектаклем по пьесе М. Рошина «Седьмой подвиг Гепакля».

Пьеса, написанная более двадцати лет назад и только что опубликованная, поставлена Романом Хендзе и сыграна актерами (ансамбль здесь слажен и силен) азартно, изобретательно, с точными социальными — историческими акцентами. Не песталирт, не увлекательная аллюзионными возможностями текста, театр всерьез вглядывается в персонажей — жителей Элиды, столь же погрязших в зловонии Авгиевых конюшен, сколь во лжи, трусости, низости. Нас не обманет белизна халатника богини

лжи Аты (Елена Яралова) — неизменной спутницы народа Элиды — она, как и поощряемое ею царство, пуше всего боится света, свежего воздуха и чистой воды. Царь Авгий (Сергей Шеховцов) поначалу прикидывается немощным, выжившим из ума маразматиком. Но стоит приближенному забыться, он тут же обнаруживает силу и жестокость...

И все же Авгиевы конюшни будут очищены! Геракл (Н. Высоцкий) находит в народе Элиды искры правдолюбия, ему помогает мудрый и просвещенный Нестор (А. Зайков), и работа закипает. И вот уже под ударами сил очищения рушится пестрый оплот Авгия — огромный «кубик Рубика» (сценотрафия К. Тихонова), воплощавший мир — тюрьму, мир — кошулю игру для слабых правителей и потерявших лицо ил имя рабов...

Что же отличает молодых (а они действительно молодые, их художественному руководителю — 24 года!) современников от прочих молодежных коллективов? Прежде всего они вполне оправдывают гордое имя, под маркой которого трудятся, — их спектакли говорят о нашем времени с той же откровенностью и верой, которые были свойственны их «отцам». И еще — в них сконцентрировалась надежда нынешних поколений на то, что перемены в искусстве и в жизни — реальные.

Расставаясь с молодым «Современником», остается лишь пожалеть, что у нас до сих пор нет подобного коллектива талантливых единомышленников. Они возникали — то на Малой сцене Театра имени Ленсовета, то в прекрасных планах того или иного академического организма, — но или умирали, не родившись, или благополучно ассимилировались основной труппой... Жаль. Где же еще воспылать смену, где возвращать ее, приучая к постоянному и непременно творческому труду?..

Е. АЛЕКСЕЕВА

На снимке: сцена из «Театрального сезона». Антер, играющий Короля, — А. Зайков, Антер, играющий Шута, — С. Мурин.

Фото Р. СПЕКТОРА